

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX в.

С конца 20-х гг. XIX в. борьба правительства со староверием была направлена не только на сокращение его численности, разрушение молитвенных зданий, но и на преследование руководителей старообрядчества. По указу от 24 мая 1827 г. под угрозой обращения с ними как с бродягами им запрещались какие-либо передвижения с целью исправления треб не только из губернии в губернию, но даже из уезда в уезд¹. Постановлением Секретного Совещательного Комитета от 5 мая 1839 г. было запрещено в официальном делопроизводстве использовать «именование раскольниковских священников, как несвойственное сему сану, а вместо того писать: остающийся у раскольников поп или исправляющий у раскольников духовные требы»².

Следствием правительственного преследования старообрядческих священнослужителей явился переход к середине XIX в. беглопоповщины Тобольской губернии на беспоповские позиции и образование часовенного согласия (стариковщины). Окончательно отказ от священства был закреплён на соборе часовенных, состоявшемся в Тюмени в ноябре 1840 г.³

¹ См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1836. Т. 14. Ст. 52. С. 203; Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 14. Ст. 68. С. 11; Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 14. Ст. 69. С. 15; Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 90–91; РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 23. Л. 205–213.

² Собрание постановлений по части раскола. С. 260.

³ См.: Соборное уложение Тюменского собора 13 ноября 1840 г. // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Под ред. Н. Н. Покровского. Новосибирск, 1999 (История Сибири. Первоисточники. Вып. IX). С. 334–338. Как отмечает исследователь В. И. Байдин, «формально подобная трансформация была обусловлена «оскудением священства» и не-возможностью перехода новых священников от господствующей церкви в условиях жесткой противораскольнической политики николаевского правительства. Разные позиции умеренно настроенной торгово-промышленной верхушки беглопоповщины и крестьянства, враждебное отношение которого к православию определялось народными идеалами «дешевой» и демократической церковной организации, привели к тому, что верхи беглопоповщины присоединились к единоверию, а низы – перешли к беспоповщине и оформили часовенное согласие» (Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII – середина XIX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. С. 166).

Особой организованностью отличались общины часовенного согласия в Ялutorовском округе. Здесь в первой половине XIX в. сложилось так называемое Ирюмское общество, наиболее крупное и влиятельное в среде стариковщины на территории Западной Сибири и Урала, объединившее старообрядческие селения по реке Ирюм. Главным настоятелем этого общества “по благословиению” М. Галанина являлся Леонтий Михеевич Галанин.

В фондах Tobольской консистории нам удалось выявить сведения о том, что в 1847–1853 гг. в губернском суде производилось следствие по делу о старообрядческом наставнике, крестьянине Шатровской волости Л. М. Галанине. Началось оно с назначения в 1845 г. в Шатровский приход молодого священника Иакова Успенского. Сложившаяся в XVIII в. практика показала, что при умелом подходе раскольники могли стать для духовенства дополнительным источником доходов⁴. Несговорчивый И. Успенский сразу настроил против себя местных староверов. В лице крестьянина д. Верхне-Мостовской Л. Галанина, “который крестит, исповедует, отпевает умерших, сводит браки, и действует явно и безбоязненно в приходе как рукоположенный”, новый священник увидел конкурента, перетянувшего на свою сторону большую часть населения прихода. В рапорте на имя архиепископа 26 апреля 1846 г. он отмечал: “Вообще сказать, в Шатровском приходе народ промышленной и богатой и все раскольники, тащат за собой и всю нищету, так что теперь нельзя различить, кто из них православной, кто раскольник, ибо православные не знают ни церкви Божией, ни христианской обязанности, а от своих священников бегают как татары”⁵. По данным исповедального учета, из 2383 человек, числившихся православными в приходе, лишь 148, т. е. 6 %, были на исповеди, “и то бедные и посельщики – они то только и православные верно”.

Волостное начальство также отказало Успенскому в помощи “о побуждении прихожан к исполнению христианской обязанности ходить в церковь на исповедь и Святое причастие”, так как все “они из двоедан”. Одну из причин распространения раскола и “усиления его до невозможности поправить” священник видел в деятельности бывшего причта во главе со священником Иоанном Старческим, которые “в исповедных росписях за прошлые годы писали бывшими у исповеди многих ложно”⁶. В заключение своего доноса Успенский отметил, что ему осталось только “продать свое священство, православие и бога за пудовку двоеданской пшеницы”.

Tobольский архиепископ добился проведения расследования, порученного в декабре 1847 г. заседателю Ялutorовского земского суда Козырскому.

⁴ См.: Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 130.

⁵ ТФ ГАО. Ф. 329. Оп. 3. Д. 139. Л. 5–5 об.

⁶ Там же. Л. 6, 7 об.–8.

В течение трех лет шла бесконечная переписка суда с тобольским губернатором и архиепископом, требовавшими ускорить расследование обстоятельств этого дела, которое, кстати, затягивал сам Успенский, так как не мог предоставить суду вещественных и свидетельских доказательств незаконной деятельности Л. Галанина. Не без помощи Пермского архиепископа Аркадия было доказано, что Галанин тесно связан с уральскими староверами, “приезжает в Смоленскую волость Шадринского уезда и там крестит младенцев и исповедует раскольников” “под предлогом промышленности”. 22 мая 1851 г. Галанину было объявлено распоряжение Ялutorовского земского суда, запрещавшее ему отлучаться с места жительства⁷. Решение властей, однако, не помешало Леонтию Галанину и в дальнейшем руководить влиятельным старообрядческим обществом в Сибири.

С начала 50-х гг. XIX в. правительство предпринимало решительные меры против распространения австрийской иерархии⁸. Представители белокрыницкой иерархии развернули активную пропагандистскую деятельность на территории Тобольской губернии с 60-х гг. XIX в. В 1862 г. на московском соборе была открыта Тобольская старообрядческая епархия⁹. Наиболее известным и почитаемым в среде “австрийцев” был епископ Тобольский Савватий, рукоположенный в сан 5 декабря 1862 г. (в миру Степан (Стефан) Левшин, он же Кулаков, Дмитриев, бывший заводской крестьянин Черновского завода Демидовых Верхотурского уезда, а затем тульский купец 2-й гильдии)¹⁰. Охота за Савватием продолжалась не менее 20 лет. В нее были вовлечены все местные полицейские, судебные органы, губернатор, архиепископ, миссионеры, духовенство и даже министерство внутренних дел.

Известно, что еще до своего поставления в епископы, в звании пресвитера, Савватий разъезжал по Сибири и отправлял в молитвенных домах старообрядцев богослужения и необходимые требы. Так, 27 ноября 1860 г. в Тюмени Савватий совершал литургию (“отслужил обедню”) в доме купчихи Олимпиады Проскуряковой, где причастил мещанскую дочь Таисью Решетникову, а в начале 1862 г. вместе с дьяконом Викентием (в миру Василий

⁷ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 3. Д. 139. Л. 9–12, 34–35 об., 42, 44.

⁸ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–176.

⁹ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 131.

¹⁰ Подробнее биографию Савватия см.: Сырцов И. Старообрядческие попы австрийского поставления // ТЕВ. Неофиц. отд. 1882. № 18. С. 364; Беликов Д. Н. Томский раскол. Томск, 1901. С. 44–50; Судьба первого лжеепископа старообрядческого с титулом “Тобольский и всея Сибири” // ТЕВ. Неофиц. отд. 1892. № 12. С. 323–325; Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX в. Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904. С. 275–278; Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 247–248; Белобородов С. А. “Австрийцы” на Урале и в Западной Сибири (из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокрыницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 141–143.

Михайлов Носов) объехал с проповедью, совершая службы, Шадринский, Курганский, Ялutorовский и Тюменский округа¹¹.

В начале 1862 г. Савватий прибыл в Тюмень, где Пафнутий Казанский представил его тюменским старообрядцам. Затем в доме купчихи Натальи Проскуряковой была расставлена походная церковь, а епископы совершили торжественное служение с литургией¹².

Тобольские власти впервые узнали о широком распространении австрийского священства в губернии, после того как Главный начальник горных заводов Уральского хребта сообщил в январе 1863 г. тобольскому губернатору о показаниях пойманного екатеринбургской полицией епископа Пермского Геннадия, в частности, о существовании “лжеепископа” Тобольского Савватия и рукоположенных им “лжесвященников” Иоанна и Макария¹³. Архиепископ Варлаам, ничего не знавший “о вторжении такого зла в епархию”, просил обер-прокурора Синода А. П. Ахматова разрешить применение “особых мер к открытию лжеепископов со всеми посвященными от них лицами”. Тобольский Преосвященный предписал миссионерам, благочинным и местным причтам “наблюдать во всех местах и при всяких удобных к тому случаях” за двумя поставленными лжеепископом священниками¹⁴. Выполняя это предписание, тюменский миссионер И. Тихомиров в 1863 г. донес Варлааму о том, что 20 января был приглашен на собеседование о вере в дом купеческой вдовы Олимпиады Проскуряковой, принадлежащей к единоверию. На встрече присутствовал неизвестный миссионеру человек тридцати пяти лет, небольшого роста, с длинными черными волосами, разделенными “посреди головы на двестороны, по обычаю духовенства православного”, с черными глазами, с черной небольшой бородой и усами, “в черном кавтане”. Тихомиров принял его за беглого попа или монаха. На вопрос, кто он и откуда, ответил: “Знать, кто я, вам не нужно. Довольно того, что я старообрядец, по имени Василий Михайлов, из купеческого сословия, занимаюсь здесь переплетом книг”, “держусь австрийского священства и считаю его истинным”. Миссионер до 12 часов ночи доказывал незнакомцу на основании соборных правил неистинность белокриницкой иерархии, но безуспешно. Тот тоже показал свою эрудированность и “ссылался на писания, приводил... примеры святых”. Спустя три дня миссионер Тихомиров узнал, что собеседником его был “будто бы архиерей австрийского поставления” Савватий, о чем он спешно сообщил в консисторию¹⁵.

¹¹ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 149 об.–151, 212; Сырцов И. Старообрядческая иерархия в Сибири // ТЕВ. Неофиц. отд. 1882. № 14. С. 273–283; Беликов Д. Н. Томский раскол. Томск, 1901. С. 44–50.

¹² Сырцов И. Старообрядческая иерархия в Сибири. С. 283.

¹³ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Л. 3–5.

¹⁵ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 329, Л. 13–14; Сырцов И. Старообрядческая иерархия в Сибири // ТЕВ. Неофиц. отд. 1882. № 15. С. 291–294.

В 1864 г. Савватий в сопровождении иеромонаха Паисия¹⁶ и иеродиакона Памвы¹⁷ предпринял поездку по епархии¹⁸. В том же году, “пред масляницей”, он под видом купца побывал у старообрядцев Томской¹⁹ и Тобольской губерний, ездил по деревням Тюменского, Курганского и Ишимского округов, где “служил” обедни, всенощные, молебны, исповедовал и причащал. Так, в мае он вновь останавливался в доме тюменской купчихи Натальи Егоровой Проскуряковой (где была устроена ризница для приезжающих попов с Рогожского кладбища), совершал “всеношное бдение” и литургию, устроив в самой большой комнате дома походную церковь. На богослужениях Савватия всегда присутствовало “немало народу из раскольников”²⁰.

Деятельность Савватия в Тобольской губернии и обстоятельства обыска, произведенного тюменской полицией в доме купеческой вдовы Н. Проскуряковой в 1864 г., были проанализированы И. Сырцовым, имевшим доступ к архивным материалам Тобольской консистории. Обращаясь к тому же делу № 328 “О пойманном в г. Тюмени лжеепископе Савватии”, находим некоторые детали, упущенные И. Сырцовым²¹.

В середине мая 1864 г. полицейские чины Тюмени были изрядно взволнованы: им наконец-то посчастливилось выследить тайное убежище епископа Савватия, который около двух лет успешно “водил за нос” полицию Зауралья. Тюменский миссионер Федор Попов донес архиепископу Варлааму о том, что “в неделю Св. Пасхи в Тюмени, будет служить у раскольников лже-епископ Савватий”, который “шлялся” летом прошлого 1863 г. с диаконом Викентием²² по Шадринскому, Курганскому, Ялуторовскому и Тюменскому округам, а осенью, уже в сане епископа, был в Тюмени и служил на Рождественской неделе и в день Богоявления Господня²³. Были известны и приметы Савватия:

¹⁶ Священнонок, насельник Златоустовского завода, в миру Павел Данилов Плюсин, крестьянин Шайганского железного завода Яковлева Красноуфимского уезда Пермской губернии.

¹⁷ Потап Егоров, монах Иргизского монастыря, сосланный на поселение в Сибирь, в д. Андрюшину Антроповской волости Тюменского округа.

¹⁸ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 146–147 об.; Сырцов И. Старообрядческие попы австрийского посвящения в Сибири // ТЕВ. Неофит. отд. 1882. № 18–19. С. 366–367.

¹⁹ Вд. Бурановой, Тундрихе, Шамаковой, с. Анисимова, в д. Ново-Глушинской Чумышской волости, Инюшевой, д. Чесноковой Белоярской волости. См.: *Беликов Д. Н.* Томский раскол. С. 52–53.

²⁰ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 210–211 об.

²¹ Там же. Л. 1–397.

²² С 1863 г. архимандрит, в миру Василий Михайлов Носов, в 1864 г. арестован полицией в Нижнетагильском заводе в доме купца В. П. Чеусова, в 1859–1863 гг. сопровождал Савватия в его поездках по Сибири, с 1863 г. состоял помощником при Пермском епископе Константине (Козьма Сергеевич Коровин). См.: *Белобородов С. А.* “Австрийцы” на Урале и в Западной Сибири... С. 143–145.

²³ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 38–39, 59.

“среднего роста, лет около 30-ти, волосы длинные обыкновенные, русые, борода не большая русая, лицо немного шадровитое, голос тихий”²⁴.

Вечером 16 мая тюменский городничий Капачинский с частным приставом Гвоздевым, переодевшись в гражданскую одежду, отправились к Хоминовской пристани, взяли с пристани лодку и вместе с пятью рабочими и четырьмя полицейскими переплыли “выше города через реку”, “потихоньку пробрались” к дому Проскуряковой, где скрывался Савватий, и “залегли между лесом”. “Высматривание” продолжалось довольно долго. Наконец городничий, “обходя по временам незаметно кругом дома”, заметил, что “между неопущенными шторами в окне у косяка отсвечивает огонь”. Убедившись таким образом, что “тут совершается богослужение”, он приказал полицейским и понятым оцепить дом, а сам с приставом Гвоздевым “отперли тихонько запор у ворот” и быстро “кинулись во флигель на крыльце”. Неожиданно “откуда ни взялась женщина, вероятно стоявшая на карауле”²⁵, которая бросилась бежать “по лестнице вверх, но перед самыми дверьми была ухвачена за подол платья и остановлена”. Между тем двери быстро заперли “изнутри на крюк”, внутри дома поднялась “суматоха”, “сильный шум и беготня”, начали передвигать мебель, брякать “какими-то металлическими вещами”.

Первая попытка проникнуть в здание не увенчалась успехом. На требование городничего отворить двери никто не отвечал. Привлеченные криками и шумом, к месту события стали собираться тюменские обыватели. В это время на улице послышался крик: “Ловите, ловите”. Оказалось, что понятые и солдаты ловили бежавшего из окна человека, “босого, в одной рубаше и подштанниках”, который, воспользовавшись наступавшей темнотой, скрылся²⁶. По приказу городничего городовые, взломав двери, проникли внутрь.

В доме все было уже прибрано, а пять женщин (хозяйка дома Наталья Егорова Проскурякова, “ее тетка старуха”, мещанки Голенецкие и Дубровская) и двое мужчин “в полукафтанах духовного покроя” делали вид, “как бы все в доме после сна”. Один из них на вид был около 30 лет “с русою бородою и длинными волосами, раздвоенными посреди головы надвое”. Второй был постарше, лет 50, “с седою бородою и такими же, только покороче, волосами, ростом повыше первого”²⁷.

По расспросам оказалось, что они крестьяне Шайтанских заводов Красноуфимского уезда Пермской губернии, пришли в этот дом ночевать и никакого богослужения при них в этом доме не происходило. При этом первый, Павел Плюснин, “довольно благообразный... отличается от рабочего

²⁴ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 103.

²⁵ Впоследствии выяснилось, что это была сестра умершего купца Ивана Васильевича Проскурякова.

²⁶ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 211.

²⁷ Там же. Л. 103–103 об.

класса тем, что говорит тихим слабеньким голосом, руки белые и нежные”, а второй, поселенец Потап Егоров, “во всем грубее”.

В присутствии священника И. Тихомирова и настоятеля Троицкого монастыря архимандрита Владимира полицейские приступили к обыску. Павел Плюснин, которого полиция принимала за Савватия, во время обыска попытался “что-то сунуть” проходившей мимо Наталье Проскуряковой. У нее из рук “тотчас же были отобраны” три металлические печати, одна из них с именем Савватия, епископа Тобольского.

В ходе обыска в доме Проскуряковой сыщики обнаружили походную церковь, архиерейское облачение, предметы богослужения, полный круг церковных старопечатных книг и чемодан с бумагами и личными вещами Савватия. Конфискованное имущество сложили в три сундука и вместе с задержанными отправили в полицию²⁸. Усердие городничего в процессе конфискации оставшейся после Савватия церкви и ее принадлежностей было настолько велико, что он и в куске черного драпа, купленного Проскуряковой себе на пальто, видел будущую рясу Савватия или его протодиакона (Памвы).

18 мая в присутствии миссионера И. Тихомирова, архимандрита Владимира, окружного начальника Стефановского, городского головы Решетникова, стряпчего, городничего и некоторых тюменских купцов и мещан были осмотрены “забранные вещи”²⁹. В числе “бумаг”, найденных при обыске, были и два “послания христолюбивому архипастырю Савватию”. Одно из них было написано архимандритом Авраамием; в нем он поздравлял Савватия “с принятием архиерейского сана” и желал “всех благ, каких только может желать самому себе человек-христианин”. Второе послание было написано от более чем ста сибирских старообрядцев-поповцев, просивших Савватия “присоединить их к своему согласию”. Особое внимание властей привлекло Соборное послание на имя Савватия, епископа Тобольского, подписанное многими австрийскими архиереями, которым они передавали в его управление, помимо Тобольской епархии, и всю территорию Сибири “за неимением достойных лиц”³⁰. Все конфискованное имущество,

²⁸ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 168–175 об., 192 об., 193.

²⁹ В их числе оказались: “две архиерейские митры, бывшая уже в употреблении, и одна митра еще недошитая, архиерейский посох с сулками рипиды, трикирии, дикирии, потир со всем прибором, на престольное Евангелие, два на престольных креста, архиерейская панagia, наперсный крест, дарохранительница с запасными дарами, принадлежности для крещения, два больших пономарских посвечников, мантия, походная церковь из шелковой материи, престол, несколько антиминсов, три священнических ризы, три архиерейские омофора, палица, подрезники, стихари, орари, целены, две медные большие печати, из коих одна для печатания просфор, а другая именная архиерейская... для умерших разрешительные молитвы и венчики, около сорока печатных и писанных книг, из коих половина Богослужбных и половина разного содержания” (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 87–88, 102).

³⁰ Там же. Л. 145–145 об.

за исключением книг, было приблизительно оценено в 1000 рублей серебром (988 р. 50 к.).

По мнению тюменского городничего и присутствовавших на допросе Тихомирова и архимандрита Владимира, один из арестованных, “имеющий от роду около 27 лет”, и был епископом Савватием, который назвался “непременным работником” Шайтанского завода г. Яковлева Красноуфимского уезда Павлом Плюсниным³¹.

Миссионер И. Тихомиров, единственный, как предполагалось, видевший епископа Савватия и беседовавший с ним еще в январе 1863 г. в доме О. Проскуряковой, нашел в одном из пойманных лишь “небольшое сходство” с “наружным видом” своего бывшего собеседника, тем более что звали того Василий Михайлов. А как выяснилось из письма, найденного при обыске в доме Н. Проскуряковой и адресованного Стефану Васильевичу (мирское имя Савватия) из Нижнего Тагила, некий Василий Михайлов Носов был пойман верхотурским исправником с архиерейской ризницей в доме купца Василия Чаусова. Поэтому И. Тихомиров предложил “для уточнения вытребовать пойманного Василия Михайлова из Нижнего Тагила для сличения с надлежащим пойманным”³².

Лишь 23 мая местные власти поняли, что Савватия им взять не удалось: именно он “из опасения быть схваченным выскочил в окно в одной рубашке” и бежал, оставив в доме Проскуряковой пальто, картуз, перчатки и чемодан с бумагами. Как позднее выяснилось, Савватий без труда добрался до Ирбита, а оттуда при помощи местных староверов выехал в Москву с документами на имя купца Дмитриева³³.

Расследование этого дела было поручено 4 июля 1864 г. председателю Тобольского губернского суда В. Андронникову, что говорит об исключительной важности этого дела. Тобольский архиепископ Варлаам принимал в нем непосредственное участие. Ему докладывали о всех результатах продвижения следствия. Так, 11 августа 1864 г. Андронников сообщил ему имена австрийских иерархов, перечисленных в “настойной грамоте” и послании освященного собора, о чем тот спешно доложил Синоду. В сентябре 1864 г. в его распоряжение поступили материалы допросов проходивших по этому делу лиц и содержание всех писем, адресованных епископу Савватию³⁴. Следствие выявило среди тюменских жителей множество тайных и явных последователей “австрийского согласия рогожского исповедания”³⁵.

³¹ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 88–90, 102.

³² Там же. Л. 114 об.–115.

³³ Там же. Л. 98–98 об.

³⁴ Там же. Л. 118, 128, 131, 132, 139, 143–152 об.

³⁵ Так, тюменская мещанка Пелагея Голенецкая на следствии не скрывала свою приверженность к “истинному” австрийскому согласию. В Филиппов пост в 1863 г. она была “у испове-

Находясь под следствием, Наталья Проскурякова в июне “тайно, без письменного вида”, покинула Тюмень и направилась в Петербург, где “лично” подала прошение на имя министра внутренних дел о “сделанных... притеснениях тюменскою полициею”³⁶. Узнав о “самовольной отлучке” подследственной, Н. Проскурякову посадили под арест с обвинением в “укрывательстве лже-епископа Савватия, допущении совершать в ее доме богослужения... и содержании походной церкви” и т. д.³⁷

Следствие набирало обороты. Были опрошены под присягой 28 жителей соседних домов, но никто не добавлял ничего существенного. Арестованные и привлеченные к следствию по этому делу (не менее 23 человек) придерживались данных ранее показаний и не признавали выдвигаемых обвинений³⁸.

В августе 1864 г. и январе 1865 г. министр внутренних дел, рассмотрев дело Савватия, дважды требовал от тобольского губернатора и архиепископа прекратить “розыски” за недоказанностью факта “публичного оказательства раскола”³⁹, после чего П. Егоров, П. Плюснин, а впоследствии и Н. Проскурякова были отданы на поруки купцам П. Ядришникову, С. Гилеву и мещанину Н. Решетникову⁴⁰.

ди и святого причастия” у епископа Савватия в доме Натальи Проскуряковой. После этого Савватий приезжал в Тюмень перед Пасхой и более месяца “служил до пяти всенощных и обеден”. Кроме дома Проскуряковой, Савватий отправлял богослужения “на городище” у мещанина Киприяна Дубровского. В день ареста, 16 мая, Савватий также служил всенощную, на которой присутствовали, кроме нее и хозяйки Натальи Проскуряковой, родственница последней мещанка Федосья Проскурякова, состоявшая в православии, племянница Надежда Васильева Проскурякова, мещанка Анисья Дубровская (которая шила белье для Проскуряковых), Олимпиада Михайловна Проскурякова с дочерьми Антонидой и Евдокией, состоявшие в единоверии. Голеницкая показала также, что действительно знает Василия Михайлова Носова, с которым беседовал зимой 1863 г. миссионер И. Тихомиров. Носов не раз приезжал в Тюмень вместе с Савватием в сане диакона. Останавливались они обычно в доме Ивана Ларионова, а впоследствии выбрали местом богослужения дом Натальи Проскуряковой (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 148–149 об.). Наталья Егорова Проскурякова на допросах показала, что много лет “придерживалась австрийского согласия по рогожскому кладбищу”. Священники с Рогожского кладбища приезжали к ней “не более раза в год”, у них она исповедовалась и причащалась. На случай приезда священников у нее в доме были “заведены церковные облачения и принадлежности”, которые достались ей от родителей или были приобретены ею. Так, около 4 лет назад в Ирбите она приобрела “походную церковь, несколько антиминсов, омофор” и другие архиерейские принадлежности (Там же. Л. 211–215).

³⁶ Там же. Л. 151–152 об.

³⁷ Там же. Л. 143, 164 об.

³⁸ Там же. Л. 220–220 об.

³⁹ Там же. Л. 157–158, 204–206.

⁴⁰ Там же. Л. 197 об.–215. Архиепископ Варлаам был недоволен прекращением расследования и обратился к обер-прокурору Синода с просьбой о содействии. Однако тот посоветовал просящему найти “фактические случаи совращения в раскол”, доказывавшие вину Плюснина и Егорова, которые и предъявить местному гражданскому начальству (Там же. Л. 223–223 об.). Варлаам поручил ознакомиться с материалами следствия ректору тобольской семина-

Наталья Проскурякова подала прошение на имя генерал-губернатора Западной Сибири и министра внутренних дел о возвращении “отобранных... старинных книг, облачений древних иерархов и других богослужебных принадлежностей”. Внимание центральных властей с апреля 1866 г. обратилось на судьбу конфискованного имущества⁴¹.

2 июня 1866 г. архиепископ Варлаам, опираясь на положение синодального указа от 30 апреля 1858 г. о том, что “при обыске раскольнических часовен и молелен, существующих без дозволения правительства”, все богослужебные принадлежности, иконы и книги, как “несоставляющие ничьей частной собственности”, подлежат конфискации, в просьбе Н. Проскуряковой отказал.

Богослужебные принадлежности епископа Савватия были переданы в распоряжение Тобольской консистории. Из них в ризнице Тобольского архиерейского дома оставили относящиеся к епископскому и монашескому облачению две бархатные архиерейские митры, наперсный крест, серебряную архиерейскую панагию, четыре омофора, шесть монашеских апостольников, двенадцать аршин зеленого бархата общей стоимостью 359 р. 75 к.

В Тобольский кафедральный собор отправили архиерейский посох, Евангелие, престол, пять антиминсов с частями мощей, два хитона, желтенькую коробочку с запасными дарами, серебряные потир, дискос, две та-

рии архимандриту Дмитрию, который представил 1 марта 1865 г. “факты, уличающие Наталью Проскурякову, Павла Денисова и Потапа Егорова в нарушении узаконений, направленных против действий раскольнических, соблазнительных для православных”. Первым “доказательством вины” Дмитрий посчитал “устройство” Н. Проскуряковой в своем доме молельни, в которой совершались публичные богослужения, что противоречило указу 1826 г. о раскольнических часовнях. Для этих же целей Проскурякова приобрела походную церковь, священнические и архиерейские облачения (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 226–227 об.). Доказательством свращения в раскол в доме Проскуряковой архимандрит посчитал то, что Павел Данилов Плюснин, проходивший по этому делу и участвовавший в богослужениях, в 1862 г. был присоединен к единоверию и незаконно уклонился из него. К показаниям Плюснина архимандрит Дмитрий приобщил и историю уже умершей к тому времени тюменской поселенки Варвары Лаптевой: она была “увлечена” из православия “по убеждению какого-то старообрядческого владыки в конце Великого Поста 1864 года”, у которого она исповедовалась и причащалась, а потом снова обратилась в православие. На этом основании архимандрит делал вывод о том, что дом Н. Проскуряковой был известным в округе “пристанищем”, куда “собирались даже издали поучиться расколу”. Архиепископ Варлаам использовал эти данные, чтобы доказать, что Проскурякова, Плюснин и Егоров, виновны в “распространении раскола” между православными, должны быть судимы и подвергнуты лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленные места Сибири (Там же. Л. 227 об.–228 об.). Однако в Главном управлении Западной Сибири и в Министерстве внутренних дел эти доводы не были приняты во внимание. Повторно рассмотрев материалы дела, министр внутренних дел 7 августа 1865 г. приказал прекратить дальнейшее расследование относительно “лжеепископа Савватия” (Там же. Л. 222–223).

⁴¹ Еще в октябре 1864 г. из Тюмени в Тобольскую консисторию были отправлены “на рассмотрение” 4 описи и ящики с конфискованными вещами, бумагами и богослужебными книгами. (Там же. Л. 164, 167, 179–181).

релочки, ковшик, три сосуда, медные вызолоченные трикирии и дикирии, два образа Спасителя и Николая Чудотворца в серебряных окладах, две просфорные печати, одну именную печать епископа Тобольского Савватия, парчовую палицу, шелковый орарь, стихарь, атласную белую наволочку от подушки для архиерейских кресел, два бархатных напестольных покрыва, фуляровую занавесь, походные парчовые Царские Врата, четыре архиерейские полумантии, три бархатные священнические ризы, 44 аршина гасу, два медных подсвечника на сумму 534 р. 10 к.

В “более бедные” единоверческие церкви решили передать две бархатные скуфьи, две бархатные шапочки, черную сатиновую скуфью, крестильницу с принадлежностями, два образа Божией Матери в серебряных вызолоченных ризах, маленький образ Николая Чудотворца в серебряной ризе, восемнадцать маленьких образков без украшений, два кадила медных, покров и два воздуха, епитрахиль, зеленые бархатные поручи, три подризника, три шелковые пелены, лестовку, шесть шелковых платков, лоскуты и обрезки парчи, фанзы, бархата на сумму 89 р. 16 к.

При этом в Тюменскую единоверческую церковь “для употребления в оной” были переданы шерстяной напестольник, шелковая пелена, денежный шерстяной кошелек, женский монашеский сарафан, два парчовых платка, три обрезка парчи, два платка для пелены, десять с половиной аршин шелковой цветной материи (для подризника), девять бумажных платков прикладных, четырнадцать с половиной аршин ситца, дюжина прикладных салфеток, около 160 аршин мишурного шелкового гасу, 15 аршин красной парчи апплике (для риз), аршин с четвертью бархатной парчи на сумму 96 р. Как видим, все эти вещи не относились к богослужению, но консистория не была намерена возвращать их владельце⁴².

Из числа “бумаг”, изъятых при обыске в доме Н. Проскуряковой, в семинарскую библиотеку отправили 231 лист разрешительных молитв, 196 печатных венчиков, 2 бланка грамот на поставление в иереи, 2 экземпляра бланка увещательной грамоты о принятии рукоположенного священника, выписку из канона за единоумерших. Ставленническая грамота епископа Савватия, а также Соборное послание Савватию 31 июля 1863 г. были отосланы в Синод.

В руки тюменских властей попала и большая старообрядческая библиотека: 41 старопечатная и 27 рукописных книг и 4 тетради. Среди печатных книг были издания Московского печатного двора XVII в., 13 книг старообрядческих типографий XVIII–XIX вв. (супрасльской, гродненской, почаявской, киевской, клинцовской, виленской)⁴³.

---

⁴²ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 242–247 об., 254–256 об.

⁴³Там же. Л. 172–175 об.

Отмечается характерное для круга старообрядческой книжности преобладание среди конфискованных книг богослужебной литературы⁴⁴. Подборка богослужебных книг была обширной: Псалтырь, пять Часословов, Устав церковный, Святцы, Чин пения 12 псалмов (2 экз.), три Октоиха, из них один – “нотный по крюкам”, заупокойные богослужебные тексты, каноны, служебные тексты, посвященные Иисусу Христу, иконе Богородицы Тихвинской, Николаю Чудотворцу и другим святым, три Служебника, шесть Миней, Потребник, два Апостола, Триодь цветная, молитвы ко святому причастию, святым, семь экземпляров Кормчей, Соборник, Канонник, учительное и толковое Евангелия, Устав о христианском житии с правилами о постах и о разрешении всего лета (3 экз.).

В анализируемом нами списке конфискованных книг богослужебная литература составляет 2/3 общего количества книг (47 из 72). Поскольку данная библиотека была найдена в доме, в котором Савватий неоднократно останавливался, рукополагал священников и проводил богослужения, закономерно, на наш взгляд, и наличие в ее составе книг, относящихся к общецерковному богослужению, таких как Часослов (5 экз.), церковный Устав, определяющий состав, порядок и чин богослужений на каждый день года, с указанием праздников, постов и правил жизни монашествующих, Октоих (3 экз.), объясняющий порядок и содержание песнопений, Служебник (3 экз.), выдаваемый священникам при возведении в сан архиереем, Минеи (6 экз.), Потребник, Триодь цветная (служба во время Пасхи и последующих праздников) и др.

Евангелие, а также предназначенные для домашнего молитвословия и обучения грамоте Псалтырь и Часовник в данном списке тоже указаны.

Состав четвѣй части конфискованного собрания невелик. Сюда входили Алфавит духовный, эсхатологическое сочинение “Слово Ефрема Сирина”, Жития святых, два Пролога, Кириллова книга, Златоустник, Катехизис, а также Стоглав и “Повесть о новгородском белом клобуке”. Последние были приобретены Савватием незадолго до конфискации.

Особое внимание расследующих это дело властей привлекли 13 рукописных книжек и тетрадей полемического содержания. К последним можно отнести рукописи: “Изложение о принятии тремя чинами приходящих к православної церкви”, где описан порядок присоединения “фанатиков никониан”, книжки о священноначалии, о вере православной.

⁴⁴ См., напр.: *Поздеева И. В.* Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения Верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.) М., 1982. С. 42–47; *Мангулев П. И.* О круге чтения крестьян-старообрядцев Зауралья в середине XIX в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. II. Екатеринбург, 1998. С. 146–153.

Среди произведений, возникших в среде австрийского согласия, выделяются рукописи, объяснявшие появление австрийской иерархии и защищавшие согласие от нападков представителей официальной церкви (две книги “об австрийском священстве”, две книжки “Правила в защиту австрийского священства”, “Книжка, в коей доказывается, что православная церковь, скрывшаяся от зла, находится только у одного австрийского согласия”, “Ответ на Парфения лживого, в защиту австрийского священства”).

К последователям белокриницкой иерархии обращены три рукописные тетради – “Устав, или Краткое изложение постановлений австрийского церковного Синода в Москве”, “Окружное послание австрийского церковного Синода ко всем своим единомышленникам”, “О нужных обстоятельствах по австрийскому согласию”.

Наличие еще двух рукописных книг можно объяснить необходимостью полемики с другими старообрядческими согласиями. Речь идет о “Книжке, в коей австрийское священство опровергает возражения беспоповцев” и рукописной тетрадке, содержавшей “Сказание о существовании единоверческой церкви, яко неправильно присоединенной к господствующей церкви”. Можно предположить, что эти рукописи были собственностью Савватия, который и привез их в 1864 г. в Тюмень во время поездки по Сибири, так как они были обнаружены в чемодане, спрятанном “в гардеробе между черным бельем”, где также лежали 23 иконы в “серебрянных позолоченных рамах”, письмо из Тагила, адресованное Савватию, три Служебника и “памятная записка для дороги”.

Все конфискованные в доме Н. Проскуряковой книги были отправлены в консисторию. После “тщательного рассмотрения” оказалось, что девять богослужебных книг, а именно церковный Устав, Триодь цветная, Апостол, три Минеи месячные, Часослов, Кормчая, два Евангелия и Слово Ефрема Сирина, были отпечатаны с дозволения правительства в русских типографиях и “не заключают в себе никаких злонамеренных приписок”. Поэтому консистория в 1867 г. постановила передать их в распоряжение причта Кодской единоверческой церкви⁴⁵.

Еще пять печатных книг (Псалтырь, Алфавит Духовный, Катехизис, Стоглав и “Повесть о новгородском белом клобуке”) были признаны “православными” и отправлены в беднейшую в епархии церковь в с. Карачино⁴⁶. Таким образом, по крайней мере, шестнадцать из сорока одной конфискованной книги, хранение которых не преследовалось по закону, должны были возвратить владельцу. Оставшиеся книги (25 печатных и 15 рукописных) передали в секретную семинарскую библиотеку⁴⁷.

⁴⁵ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 261–262.

⁴⁶ Там же. Л. 200.

⁴⁷ Там же. Л. 247 об.–251 об., 257–258 об., 266–266 об.

Рукописные “История об австрийском священстве”, “Устав, или Краткое изложение постановлений австрийского церковного Синода в Москве” были отосланы в Синод сразу после их конфискации. Две рукописные книжки с выписками из Кормчей о степенях родства, одна – “о защите австрийского священства” и еще две – “о принятии тремя чинами приходящих от различных ересей к православной церкви” и “о вере православной” – были оставлены при архиерейском доме по резолюции архиепископа Варлаама.

Согласно перечню конфискованного имущества, в ризницу Тобольского архиерейского дома были переданы одиннадцать с половиной аршин зеленого бархата, в “бедные” единоверческие церкви отправили две шали, две разноцветные ленты, шесть различных шелковых платков, лоскутки и обрезки материи. Кроме того, в Тюменскую единоверческую церковь отправили денежный шерстяной кошелек, женский монашеский сарафан, два аршина атласной голубой материи, два с половиной аршина мишурного желтого моаре, два шелковых платка, десять с половиной аршин шелковой цветной материи, 9 бумажных платков, четырнадцать с половиной аршин разного ситца, 12 салфеток и полукафтаны духовного покроя. Все эти предметы к числу богослужебных принадлежностей явно не относились. Они даже по закону не подлежали конфискации и не могли иметь никакого значения и употребления ни в единоверческих церквях, ни вообще в святых храмах.

Это не прошло незамеченным. В мае 1867 г. Синод отменил решение консистории, распорядившейся даже теми вещами, которые не имели отношения к богослужебной деятельности, так как “удержание сих вещей епархиальным начальством неуместно и неблаговидно”. Критику Синода вызвало также то, что в единоверческие церкви были переданы скуфьи, шапочки и лестовки, “употребляемые раскольниками”, лоскуты и обрезки разной материи. По мнению Синода, они “подлежат уничтожению в самой консистории”. Кроме того, в ризницу кафедрального собора были переданы многие церковные принадлежности, священнические и диаконские облачения, тогда как она “менее имеет в оных надобности нежели единоверческие церкви, большею частию не обладающие достаточными средствами”, а в “беднейшую” из православных церквей – Карачинскую – были переданы книги Стоглав и “Повесть о новгородском белом клобуке” и “Сказание о табаце”, однако эти книги, хотя и не принадлежат к числу употребляемых при богослужениях, печатаны с дозволения правительства и потому подлежали бы возвращению их владельцу или передаче в семинарскую библиотеку, где они “могут быть не без пользы употреблены в миссионерском отделении”⁴⁸. Помещение же в семинарскую библиотеку 231 листа разрешительной молитвы и

⁴⁸ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 290.

196 венчиков также было лишено смысла. Поэтому было предписано отправить их в единоверческие церкви, а в семинарской библиотеке оставить по одному экземпляру⁴⁹.

Трижды (в январе, марте и июне 1870 г.) Н. Проскурякова обращалась в консисторию и Синод с прошениями вернуть ей личные вещи: иконы, несколько кусков расшитых дорогих материй, платки, сарафан, шарфы, салфетки, золотую цепочку, подсвечники, Часослов, Минеи, Службы разным святым и пр., в том числе разных “дорогих вещей в количестве 118, на сумму 988 руб. 51 коп., не считая стоимости 62 книг”⁵⁰. Однако выяснилось, что они уже распределены по единоверческим церквям. Благочинный единоверческих церквей Х. Иваницкий сообщил консистории, что многие из вещей, подлежащих возврату, были “употреблены на церковные потребности”, а именно: денежный кошелек; два аршина голубого атласа, который пошел на епитрахиль и накид; шитье, из которого сшиты покров и два воздуха; полплатка; шелковые и бумажные платки, ситец и салфетки. Из женского сарафана был сшит подклад под подризник. Сам же подризник был сделан из цветной шелковой материи⁵¹. Тогда было решено вернуть Проскуряковой оставшиеся вещи, а за “перешитые в церковные одежды” уплатить по ценам, указанным в описи, что и было выполнено⁵².

Прошение Проскуряковой возвратить ей иконы, книги и рукописи осталось без ответа на основании пункта 5 указа Синода от 30 апреля 1858 г. (они не подлежали возврату как взятые из раскольниковской молельни)⁵³.

Сибирские власти не теряли надежды рано или поздно схватить Савватия и передать в руки правосудия. Узнав, что епископ, избежав ареста в Тюмени, возвратился в Москву, московская полиция больше полугода секретно продолжала розыск, собрала точные сведения о времени приезда Савватия в Москву, местах остановки, выяснила и имена старообрядческих иерархов, с которыми Савватий имел общение, но самого его никак найти не могла.

По сведениям Д. Н. Беликова, Савватий находился в Москве до сентября 1866 г., где отправлял богослужение в домах одноверцев с дозволения австрийского архиепископа Антония (исполнял крещение и миропомазание младенцев, исповедание и приобщение св. тайн, елеосвящение). Переждав некоторое

---

⁴⁹ 12 апреля 1871 г. они были отправлены благочинным единоверческих церквей Х. Иваницкому и А. Мефодьеву, которые разослали их в подведомственные церкви (ТГФГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 349 об.–351).

⁵⁰ Там же. Л. 301–304 об.

⁵¹ Там же. Л. 310–325 об., 328.

⁵² Там же. Л. 319 об., 369.

⁵³ Правда Проскуряковой удалось вернуть из ризницы кафедрального собора в декабре 1871 г. 2 звезды, 4 кисти, 40 аршин гаса. А вместо употребленного на архиерейскую мантию 4 аршин галуна Проскуряковой вернули 12 рублей (Там же. Л. 370–370 об.).

время в Москве, сибирский епископ вернулся на место своего служения. Одной из причин этого возвращения была необходимость насыщения края “австрийским” священством. В 1865 г. он побывал в Томской губернии⁵⁴. В сентябре 1866 г. Савватий вновь отправился в Сибирь, для чего приобрел в Москве новую походную церковь “с принадлежностями, архиерейскую митру и все облачения”⁵⁵. Заранее был составлен план путешествия по Томской губернии с возможными остановками в домах крестьян, приемлющих “австрийское” священство. 29 января 1871 г. он был арестован во время совершения богослужения в доме крестьянина с. Вагановского Кузнецкого уезда Якова Кайгородова⁵⁶. Обвиняемый в распространении раскола между православными Сибири, Савватий содержался в тюрьме до весны 1871 г.

В процессе обсуждения приговора мнения светских властей разошлись. Томский губернатор настаивал на заточении Савватия в один из православных монастырей “под надзор”. Узнав об аресте старообрядческого епископа, архиепископ Тобольский просил Синод предать его и “двух его сообщников-лжемонахов” суду “за то, что они, как хищные волки, вторгались в Тобольскую паству и начали расхищать словесное стадо Христово... имея по два или три имени”⁵⁷. Варлаам предлагал “всех раскольнических иерархов... заключить в Соловецкий монастырь... а Проскурякову заключить в женский монастырь” и до решения этого дела светским судом содержать их “в остроге и не выпускать на поруки”⁵⁸. Однако Совет главного управления Западной Сибири отверг предложение томского губернатора и тем более архиепископа Тобольского, поскольку по действующему законодательству требуемое наказание применялось лишь к представителям особо вредных ересей. Возобладало мнение о том, что “подсудимый Левшин достаточно уже потерпел наказания более 4-х летним содержанием в тюремном замке”⁵⁹. На этом основании Савватий, как не уличенный в пропаганде старообрядчества, был “ос-

⁵⁴ См.: *Беликов Д. Н.* Томский раскол. С. 52–53.

⁵⁵ Архиепископ Антоний Московский и Афанасий Саратовский снабдили Савватия освященными ими миром и антиминсами. Они же вложили в антиминсы святые мощи, которые австрийские иерархи получали от “любителей старообрядчества, хранивших их с глубокой древности”. Были закуплены вино и свечи (*Беликов Д. Н.* Томский раскол. С. 54).

⁵⁶ См.: *Сырцов И.* Старообрядческая иерархия в Сибири // ТЕВ. Неофици. отд. 1882. № 15. С. 298; *Беликов Д. Н.* Томский раскол. С. 43. В ходе обыска в багаже задержанного была найдена шелковая походная церковь, полное архиерейское облачение, полный круг богослужебных и других книг (102 единицы), листы ставленных священнических грамот, печать с надписью “епископ Савватий”, печать для приготовления просфор, церковные свечи и 1535 рублей, зашитых у Савватия в шапку и одежду (*Беликов Д. Н.* Томский раскол. С. 44; *Есипова В. А.* Книги из библиотеки первого старообрядческого епископа Савватия в научной библиотеке ТГУ (к вопросу о судьбе конфискованных книг) // Мир старообрядчества: Сб. науч. тр. М., 1998. С. 192–195).

⁵⁷ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 269–269 об., 273–273 об., 275.

⁵⁸ Там же. Л. 275–283.

⁵⁹ См.: *Беликов Д. Н.* Томский раскол. С. 50–51, 56–57.

ставлен в подозрении” и отправлен в Тулу, где он числился купцом, под надзор полиции без права “отлучки... без особо уважительных причин на продолжительное время”⁶⁰. Вскоре, однако, стало известно, что, проезжая через Тюмень 30–31 июля 1871 г., Савватий смог повидаться со своими прихожанами. Добравшись до Тулы, он спустя некоторое время перебрался в Москву, где был принят старообрядческим обществом как “страдалец и исповедник”⁶¹.

Савватий удерживал за собой титул епископа Сибирского до конца 1882 г. В июле этого года он еще раз посетил Тюмень, где совершал богослужения, принимал приветствия от священника Петра Васильева Попова (крестьянина Ишимского округа), “предназначил некоторых из начетчиков к посвящению в попы”; отсюда отправился на пароходе Курбатова до Томска, после чего вновь побывал в Тюмени. В конце 1882 г. епископ Савватий был избран архиепископом Московским вместо умершего Антония (Шутова)⁶².

Духовные власти во главе с архиепископом Тобольским Варлаамом видели в деятельности Савватия и его ставленников основную причину широкого распространения и усиления раскола в Тобольской губернии. Действительно, одной из главных задач епископа было обеспечение местных старообрядцев священниками. Не случайно он возил с собой по Сибири экземпляры ставленных грамот⁶³.

Из материалов следствия стало известно, что за период с 1864 по 1867 гг. Савватий рукоположил в сан священника Петра Васильева Попова (крестьянина Ишимского округа), Филарета Гладкова (Курганский округ), Петра Попова (Курганский округ), Василия Сергеева (Ялуторовский округ), Ивана Конева (Тюкалинский округ). Кроме Савватия для Сибири поставляли попов и другие иерархи: Антоний (Шутов) Московский, Геннадий Пермский, Пафнутий Казанский и Афанасий Саратовский. Они снабжали Сибирь попами и диаконами несколько лет до открытия Тобольской епархии и посвящения в епископы Савватия⁶⁴. Так, Антонием Шутовым были рукоположены для Сибири два беглых попа – Стефан (Симеон) и Филипп, а в 1876 г. – Кирилл Агапов (крестьянин д. Верх-Яманской Тюкалинского округа). Епис-

⁶⁰ Беликов Д. Н. Томский раскол. С. 58.

⁶¹ ТФГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 352–352 об., 381–381 об.; Сырцов И. Старообрядческая иерархия в Сибири // ТЕВ. Неофиц. отд. 1882. № 15. С. 299.

⁶² См.: Беликов Д. Н. Томский раскол. С. 58; Н. С.-н. Лжеиерарх Савватий // ТЕВ. Неофиц. отд. 1883. № 6. С. 122–129; Сырцов И. Старообрядческие попы австрийского посвящения в Сибири // ТЕВ. Неофиц. отд. 1882. № 20. С. 404–405.

⁶³ Например, во время ареста в с. Вагановском в 1867 г. в числе конфискованного имущества Савватия были обнаружены шесть листов ставленных грамот, из которых “пять на пергаменте, и одна на бумаге”, а во время обыска в доме Проскуряковой – четыре бланка грамот “на поставление в иереи” (Беликов Д. Н. Томский раскол. С. 44–46).

⁶⁴ См.: Сырцов И. Старообрядческие попы австрийского посвящения в Сибири // ТЕВ. Неофиц. отд. 1882. № 18–19. С. 363–364.

коп Пафнутий Казанский в ноябре 1862 г. посетил Урал и Сибирь с той же целью. Геннадий Пермский поставил для Сибири в попы и диаконы более 10 человек из сибирских начетчиков и уральских скитников. Так, в начале 60-х гг. XIX в. из “начетчиков-мирян” им были поставлены в священники в уральских скитах близ Златоустовского завода Екатеринбургского округа крестьяне Иван (Иоанн) Дубровин д. Песчаной Утечьей волости Курганского округа и Макар (Макарий) Барсуков д. Окуновой Уктусской волости Ишимского округа, в диаконы – Роман, с назначением их на службу в Ишимский и Ялуторовский округа. К нему же в 1863 г. в уральские скиты ездили за священством крестьяне с. Крутихинского Курганского округа Андрей (Александр) Якимов, Памфил Белобородов и Григорий Волосников. Из “скитников-монахов” Геннадий рукоположил в иеромонахи Анания, Аввакума, Константина, Иону, Паисия и Иова, а Корнилия и Мисаила (Максима) – в иеродиаконны. Монашествующее духовенство австрийской иерархии не получило определенного назначения и разбрелось “по разным концам Сибири”⁶⁵.

“Белые попы” Стефан, Филипп и Кирилл Агапов, нижегородский мещанин, живший в д. Верх-Яманской Тюкалинского округа, ездили за священством в Москву к Антонию (Шутову) в 1864 г. Для приобретения “походной церкви” старообрядческое общество собрало Агапову 500 рублей пожертвованиями. В сентябре он писал своим единоверцам: “Я теперь нахожусь в Москве, исправил церковь (походную), и сосуды и венцы, и все что к церкви требуетца это все исправил; и купил большой устав, общую и празнешну менеи, и большой канонник, и обедницу и ето я купил и отправил меня Владыко Антоний с великою честью и благословением...”⁶⁶. Большинство принявших австрийский священнический сан крестьян, таких, как Макар Барсуков⁶⁷, Иван Дубровин и Кирилл Агапов, ранее состояли уставщиками при часовнях и молитвенных домах.

Макар Барсуков “снабдил” колоколами находившуюся в д. Окуновой старообрядческую часовню, завел при ней записные книги и начал совершать богослужения по праздникам и в будние дни и разъезжать с требами по всему Ишимскому округу. Единоверцы этой деревни сразу перешли в раскол и записались в заведенные Барсуковым при часовне книги. Благочинный единовер-

⁶⁵ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 1–2; Сырцов И. Старообрядческие попы австрийского посвящения в Сибири // ТЕВ. Неофици. отд. 1882. № 18–19. С. 364–365, 389–390; Белобородов С. А. “Австрийцы” на Урале и в Западной Сибири... С. 145.

⁶⁶Сырцов И. Старообрядческие попы австрийского посвящения в Сибири // ТЕВ. Неофици. отд. 1882. № 18–19. С. 371–373.

⁶⁷Макар Барсуков – наставник общины д. Окуновой Уктусской волости Ишимского округа; в 1844–1849 гг. вместе с Максимом Мальцевым обращался с прошениями от имени старообрядческого общества к губернским и столичным властям о возвращении часовни, книг и утвари, возобновлении молений по их обрядам (РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23416. Л. 1–10 об.).

ческих церквей Х. Иваницкий в январе 1863 г. доносил архиепископу Варлааму, что “если часовня д. Окуновой не будет отобрана от раскольников, то Травнинский единоверческий приход может прийти в крайнее расстройство”⁶⁸. Священники этой церкви А. Мефодиев и М. Попов, к приходу которых принадлежала д. Окунова, сообщали, что “неослабные действия их чрез кроткие пастьерские увещания” не будут иметь успехов “к удержанию постепенно отпадающих от церкви”, пока гражданские власти не ограничат “преступлений, делаемых в приходе Макаром Барсуковым и другими отступниками”.

Действительно, с 1859 г. (после возвращения ишимским старообрядцам в 1861 г. часовни д. Окуновой) из единоверия в раскол уклонилось и приписалось к “окуневскому собору” 620 единоверцев и православных (305 мужчин и 315 женщин), среди которых, по словам единоверческих священников, были крестьяне, отличавшиеся “примерным усердием к православной церкви”, такие как Федор Обрядов (д. Яровская), Стефан Кокшаров (д. Кокшарова), волостной старшина д. Окуновой Леонтий Каргаполов, перешедший в раскол со всем семейством. Это еще раз подчеркивает тот факт, что старообрядцы отдавали предпочтение австрийскому священству перед единоверием.

Переходы в раскол продолжались и в 1863 г. Так, единоверческие священники Мефодиев и Попов в марте сообщили архиепископу об уклонении еще 11 крестьян обоего пола д. Окуновой Уктусской волости, д. Яровской и д. Кокшаровой Кизакской волости, принадлежавших к Травнинскому единоверческому приходу⁶⁹. Духовные власти настаивали на возвращении уклонившихся в лоно церкви и на “выдворении совратителя” Барсукова и “товарища и пособника его” крестьянина Каргаполова из д. Окуновой. Однако окончательным решением Тобольского губернского суда, утвержденным в мае 1866 г. губернатором, старообрядцы были оставлены без преследования, а Барсуков был отдан на поруки крестьянам, одоббившим его поведение на повальном обыске. Каргаполов также был освобожден от суда за отсутствием доказательств его “пособничества” Барсукову.

Епископ Варлаам рапортом от 10 ноября того же года сообщил Синоду о размерах распространения раскола на территории Тобольской епархии, обвинив во всем гражданское начальство⁷⁰. В начале 80-х гг. XIX в. место М. Барсукова во главе “окуневского собора” занял священник австрийского поставления крестьянин д. Окуновой Петр Васильев Попов⁷¹.

⁶⁸ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 10 об. – 11.

⁶⁹ Там же. Л. 41–43.

⁷⁰ Там же. Оп. 26. Д. 920. Л. 23–24.

⁷¹ Сырцов И. Старообрядческие попы австрийского посвящения в Сибири // ТЕВ. Неофиц. отд. 1882. № 18–19. С. 391–392.

Состоявший в беспоповщине до 1861 г. крестьянин д. Песчаной Утечской волости Курганского округа Иван Дмитриев Дубровин также начал свою деятельность с того, что летом 1862 г. исправил ветхую старообрядческую часовню в д. Песчаной, покрыл ее новой крышей, выкрасил стены, пол и потолок, а “у крыши повесил порядочной величины колокол”. Всех признавших его священнический сан беспоповцев, единоверцев и православных Дубровин “перекрещивал своим крещением”. Одетый в рясу и “поповскую старого образца шляпу, с посохом, украшенным серебряным набалдашником”, он обходил своих прихожан, исправляя требы, учреждал общественные собрания для молитвы и ставил наставников, при этом поручая им совершать позволительные для мирского человека службы и требы. Каждый наставник ставился Дубровиным на три года с обещанием, что если будет исправен и покорен Дубровину, то получит рекомендацию перед Геннадием в священство. На этих условиях Дубровиным были поставлены в священство православные крестьяне с. Емуртлинского Зиновий и Козьма Хромцовы, Иван (Илья) Леонтьев Архипов, Никифор Захаров Чекушин, а также беспоповцы Федор Иванов Бердюгин (д. Кулаковой) и Трофим (Трифон) Мионов Ямов (д. Моревой) и Тимофей Боровков, принадлежавший к единоверии⁷². Кизакские священнослужители доносили архиепископу, что Дубровин в середине января 1863 г. проповедовал в д. Масальской, в результате чего грамотные крестьяне Егор Сергеев, Василий и Иван Шалаевы и Иван Григорьев Козмин стали “твердо держаться его учения”⁷³.

По требованию преосвященного Варлаама, в июне 1863 г. в доме Дубровина был произведен обыск. Было найдено “значительное количество церковных восковых свечей, заготовленных для часовни, посох, круглая с широкими полями шляпа, употребляемая священниками и... небольшая просвирка”. Губернатор М. Курбановский приказал заключить Дубровина в тюремный замок и “запечатать часовню” как “самовольно исправленную” старообрядцами⁷⁴, но, поскольку доказательств его священнической деятельности не было выявлено, в октябре 1863 г. он был освобожден и подчинен полицейскому надзору. Однако в октябре 1864 г. Тобольский городской суд за произведение поправок в часовне д. Песчаной приговорил Дубровина к тюремному заключению на восемь месяцев⁷⁵.

О бессилии в тот период тобольского духовенства свидетельствует резолюция архиепископа Варлаама, написанная на рапорте Тюменского духов-

⁷² ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 12–12 об.; Сырцов И. Старообрядческие опыты австрийского посвящения в Сибири // ТЕВ. Неофиц. отд. 1882. № 18–19. С. 392.

⁷³ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 21 об.– 25.

⁷⁴ Там же. Л. 51–52.

⁷⁵ Там же. Л. 53–53 об., 74–74 об.

ного правления 5 октября 1863 г.: “Что делать, лжеепископы, попы и диаконы размножились всюду”⁷⁶.

Известно, что в период с 1849 по 1865 гг. у старообрядцев Ялutorовского округа отправлял церковные службы и собирал пожертвования на Белокриницкий старообрядческий монастырь Павел Иванов Романов⁷⁷. Он также находился под следствием с 1865 по 1873 гг. и был подчинен полицейскому надзору⁷⁸.

В начале 80-х гг. XIX в., по данным официальной церкви, на территории Тобольской епархии действовало не менее 7 попов австрийского посвящения. Из них в Курганском округе находилось три – крестьянин Петр Попов (в д. Костоусовой, а также в Шкодском, Нижне-Алабугском, Романовском приходах, в Тюмени и Зарословском приходе Ишимского округа), Филарет Гладков (в Брылинском, Усть-Суерском приходах), крестьянин д. Моховой Григорий Пшеничников (в Лопатинском приходе). Три священника было и в Тюкалинском округе – мещанин Кирилл Агапов (Крутинский приход) и крестьяне Иван Конев (Камышловский приход) и Федор Самарский (Карасукский приход). Крестьянин д. Хрящевки Василий Георгиев Сергеев отправлял требы у староверов белокриницкого согласия в Слободо-Кизакском приходе Ялutorовского округа⁷⁹.

⁷⁶ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 56.

⁷⁷ Там же. Оп. 26. Д. 370. Л. 1–2 об. П. Романов принадлежал к “некрасовцам”, жившим в “турецких владениях”, еще в 14-летнем возрасте был пострижен в монашество с именем Паисий. В 1838 г., во время русско-турецкой войны, Романов был переселен в Россию и причислился “только для порядку” в мещанское сословие к посаду Климовскому Новороссийского уезда Черниговской губернии, но остался по-прежнему монахом в Покровском монастыре того же уезда (Там же. Л. 76–77). Во время николаевских гонений на старообрядчество он был лишен монашеского сана и “за избрание никакого рода жизни и бродяжничество” сослан в Сибирь на поселение, а в феврале 1849 г. причислен к Рафайловской волости Ялutorовского округа. В течение восьми лет он разъезжал по разным селениям, “возвращаясь из оных со сбором и разным жизненным припасом”, и наконец построил в с. Рафайловском собственный дом. Через год, продав свой дом крестьянке Агафье Ивановой Ферапонтовой, Романов переехал в г. Ялutorовск, приписавшись “в общество” Томийской волости. В Ялutorовске Романов также построил себе “довольно хороший двух-этажный” дом, с небольшой молельной комнатой. В его доме жили и сопровождали его в поездках поселенец Ишимского округа Дмитрий Маркелов (бывший единоверческий причетник Московского Рогожского кладбища), бывший причетник Кизакской церкви Федор Попов, диакон Ермутлинского прихода Лапин. Занимался Романов и перепиской полууставом старообрядческих богослужебных книг, читал и пел на клиросе, “ежегодно говел и общался святых тайн”.

⁷⁸ Там же. Л. 42–43 об., 96 об.

⁷⁹ В сентябре 1877 г. в доме Сергеева по доносу причта с. Кизакского земским заседателем Поникаровским был произведен обыск, в результате которого были найдены “в холодной кладовой... фелонь, подризник, двою поручи, две эпитрахили, пояс, следное кадило, – тут же и книги последования освящения воды, и чин погребения умерших”. “В верхнем этаже в столовом ящике” были обнаружены “писанные на манер церковной печати книги: 1) о молитве за царей, 2) учение о законности сводного брака, 3) ответы православных на вопросы беспоповщины”, а в

Все сказанное свидетельствует о том, что преследование властями старообрядческих идеологов во второй четверти XIX в., в последующий период имело целью практически обезглавить, лишить руководства общины староверов Тобольской губернии. Однако безуспешность этой политики проявлялась как в неуклонном росте численности последователей раскола, так и в активизации деятельности старообрядческих священников, наставников, начетчиков и настоятелей в Тобольской губернии, как, впрочем, и на территории Российской империи в целом.

шкафу на шести листах бумаги “37 венчиков, что на усопших надевают, 26 золотников лампад, – и белый хлеб в куске с осьмью фунта – чем-то пропитанный в середине – вроде деревянного масла”. Все это указывало на принадлежности священника. На допросе Сергеев показал себя рукоположенным для священнодействия епископом Савватием 6 января 1864 г., в доказательство чего представил ставленную грамоту (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 26. 1883 г. Д. 937. Л. 2–2 об., 3–3 об., 10; Сырцов И. Старообрядческие попы австрийского посвящения в Сибири // ТЕВ. 1882. № 20. С. 411–413; Белобородов С. А. “Австрийцы” на Урале и в Западной Сибири... С. 146).